

Петр
Черны

Что горлом внести?
 Спрятанную гроздь,
 что влажная наполнила ладонь,
 или февральская подснежная мгла,
 кочующая льдами, диким садом.
 где яблоком ему не угодить?
 Мороженые зерна пересыпать
 землей, хранимой комнатным цветком,
 что суманул твой пестует, леплет,
 твой береженный.

Вышли караси
 из мыльной пены Солнца наблюдать,
 дубовых листьев в шорох посмотреть
 и просто так:
 узнать, что происходит
 в заоблачном, апрельском лесопарке.

Происходило:

И иду аллеей
 и таким прутком считаю повороты,
 и говорю:
 Загадывай погоду
 и место пребывания на Земле.
 Сегодня ясный день,
 бери его, как соду,
 и горло полощи,
 придется ли мне.

Карасики - игривые ребята
 за чепушишкой броскаясь,
 качают
 подводное зеленое растение,
 но мне хватает выдержать его.

Но мне хватает жизни однозначной,
 простой, как перекресток листопада,
 где неминуемо сойдутся засада
 двух говорливых стаяк воробьев.

Ну вот и все,
и странствующий звук
судить является,
и слаго есть причины
для, что вчера,
выхаживать пустынно
и горло терзать
и сравнивать, что есть.
А кем тебе не придется
быть,
он знает и следит,
и потихоньку.

Обманулись, -
это зеленое солнце в смороде встает.
Церемонно укронная клуба зашла,
даже ворох хвои, -
муравьиный оплот, -
слаб на зуби
и только что знает -
играет.

Бери меня, пока ещё способен
осилить луговое плоскогорье.

Пока лучом охранной белизны
наклонно падаю, мгновением сквозным
парной галев на треугольнике полёта
пересекаю.

Как твоё жильё?
Берущая богульняк, синеглазка.

Бери меня.

Пока на южных берегах
холера ела,
в грибной пустыне, вне закона,
где сенокосные дуга
жаром скручены и светят,
где муравьиные заслоны
берут на "ВЧ" любой предмет,
я разучился жить, и небо
одно осталось надо мной.

Для морса эпидемий выпал срок.
 На взрыв играющий песок,
 воды портьейновой мерцанье...

Вот осень. Ласковы гулянья.
 И небеса почти зиритик,
 и сладко песно льёт петух.

С трудом могу представить лёд,
 гурияных облаков холодные сосуды,
 узоры климата, славянки пересуды.

Укромно повторю - Бог не мёд...

Что вывел именем, окантовал, устав,
 соломенной чертой захёт на небосводе...

На токовых ударах ветер водит
 - охаянного - он уже устал,
 он ежмг на гласном переводе,
 он только что призрачное узнал.

Ему дано представить этот лёд
 теплейшим хворостом на пресеке кильской,
 в периоде асфальтовых экскурсий
 укромно повторю - Бог не мёд.

Б.К.

Полозьями пресветел день.
 Забава легких пестрарей
 В сарае бредень засыхает.

Насколько влажен был иль,
 на взгляд меняющий погоду,
 увидеть на исходе года
 с разбега ртутного столбца.
 Ты затерялся между нами
 и подвошекъ полотеник
 отложивъ, должен ты понять
 уловки новых состояний.
 Следить морозную игру,
 двойной рамой обескровлен.
 Над ним то клетоты, то кроши
 растущих в землю слалких груш,
 и повсеместно греет влажа.
 Утомился, засыпает.
 Снегерь рябиной дорожит
 и, снег роняя, улетает.
 Темнеет на дворе.
 Тепло.

Не зная поцелуй, видишь сам,
сплетенье ласточек над молодым столом.

О, летний оплот! Пир в лесу глубоком!
Запруда Солнца, разукрась стекло.
Там ангел пролетел — знакомое перо
на ягодах, гулящих волчьих соках.

О, милая, прижмите к поцелую.
Кто слово даст, что мы переживаем
и новый август выпадет, как шар?..

Как наме тело оштыный фонарь
показывал и муравьям и осам,
и Куза уходила к Верхним звездам...

Я слово дам. Посмотрим календарь.
Остался месяц. Кончен високосный.

То ли женщина холодом выдохнет
в глубь ледяного стекла,
То ли строчку прошьёт
на машинке гремшей, под утро,
вскип чайник воды,
одноглазый скупой грамотей.
Или келка набухнет
у грязной старухи под пудрой,
Или рыбкой обманется
стывший фабричный ручей.

Всё отложится в памяти
снам по белому полю.

К. К. К.

Ах, вот как!
 Пьяный шарлатан,
 ловец изма в чайной булке,
 перекивался в керсулке,
 мичал,
 проваливался.

Простудный день
 чертила гортань,
 ростки удувья
 пугали полднего зильца.
 Дышали листья.
 Нет, ты слушай!
 Опомнись!
 Пьяный шарлатан
 заносит локоть.
 Нет, ты слушай!
 Мне предвзначено житье
 в потере власти над растением,
 над звуком женской ченухи.

Я набело пишу — читай!
 Где киской галкой есть засала
 туман занорошил кусты.
 Но обнаружит слух срам
 угрозу дремлящего котта.

Чем ланться — судьбой?
 Мне прачталось жить зной.

В ладонь розельного гвоздя
 морщала ялянка, вела нечь,
 рискованно герела ланья.
 В перечислениях ее взглядом
 услышал: Ты стучись в окно
 и тень невнятна за телок.

Опомнись!
 Пьяный шарлатан,
 чоканник грешных кварталов.
 На клум — бе
 воль — но
 заснивает.
 Сон проясняется.
 Рассвет.

Вн. Зрле

Заялся парикмахер от нужды.
Его по осени болтало, веселяло,
Но время подошло на поздний час.
Он поднял брови: Капала вода,
где за окном набрасывали мех,
а прочее его не волновало.

Он был любителем того, что шло, шло,
а парикмахером служил лишь по нужде.

Косте, через жизнь

Вяжяя, голубя подай!
 Разменная лямочка в ладошки!
 Третий век кабак в законах!
 Стыл. Свинчатка. Голодная.

Разотри слезу пивади!
 Догони на честном слове!
 Объявления метели
 третий день пологут в поле.

Третий день тоска одна.
 Как ни глечь - дурдом заказан.

Выйдешь в поле - холок разом.
 И стрелецкая луна.

Третье поколение
по скверочникам селось,
таро ело.

По словим отдаленным
на стволах сидело,
кукарекало.

А в четвертом был дурак,
ну-у дурак,
муравьиный спирт не лил,
думал.

И в ночи, и в белый день
не спал,
на сербзовой хрустятке
рисовал.

Слово строи...

Да и смерть узнал лихув
стерел.
И по урём дорогам
ветер вывел прах.
На развилке был поставлен храм.
Слово Бог взял.

Два полюса моей земной любви.
 Два полюса моей земной печали.
 Нас лодки тёмно-синие качали;
 но лодки в море волны унесли.

Аэропорт. Бессоница. Апрель.
 А вечер ставит, ставит многоточья,
 закрив глаза, а потому наслунь.
 А вечер полон ошмяданья ночи.
 Аэропорт. Бессоница. Апрель.

Дай волю звездопаду,
 дай тепла,
 ватин деревьев, незнакомой рожи.
 Пиши слова, которые непрочтё,
 на запотевшей корочке стекла.
 А тишина потом,
 а тишина итогом,
 равняющей чертой.

Хрошим сыновьям
 одинокого дяди
 было видано Богом
 по капле ума...

На вокзале ночном
 хриповатые блуды
 да глухая дремота,
 да бутылка вина
 в саквояже;

День третий
 скитаний по грязной России.

Был апрель, был апрель,
 затонувший предместье,
 набухающей плетью
 беременной летом земли,
 начиная с утра -
 торжество, куролесье,
 Солнца, влаги, небес и травы.
 Начиная с утра.

В час возврата домой,
 заполуночный час,
 до свиданья.

В час возврата домой,
 где ни лампы, ни лампочки,
 темнень где.

В час возврата домой
 заливает мой ожиданье.

В час возврата домой
 бел-малиновый куст горячит
 горячит.

Горячей, чем зрачок,
 с поворота лосиного взгляда.
 Горячей, чем пульс,
 над простуженной женщиной, слезам.
 Горячей, горячит,
 понадейся.

На прохладу, на холод,
 на влагу, поток,
 капель, капелек от,
 от кленовых ветвей
 склоном, камнем следой дорогой,
 склоном клёна, у горла,
 кровеня и смывав,
 и на бархате листьев
 по склону.

А она -
 горячей;
 горячей;
 горячит.

ВСТУПЛЕНИЕ К КНИЖКЕ "ПЕРНАТЫЙ СНЕГ"

В. И.

Эпиграф:
 Сегодня не мечтаю. Видно при-
 солотничком на дымящую завесу.
 Сегодня — год, осваяю место
 кончатим пальчиком, пером
 ветонери.

О днях, увалих в чёрный ход
 пастак и дрессировки Марса.
 О днях пленительного пьинства,
 о днях медлительных чернил.

Пока на шепках берегах
 холера ела:
 игра на лица
 в доме чистых окон
 замечивала первый оборот.

Не время говорить.
 Но для примера
 рука моя отыскила полёт
 строки высокой.

Оказалась сфера,
 в которой бултыхалась и дурела
 луна несчаная и сохнула звездойт...

Из горла вирус корень.
 Лепестки
 слонились на ветру,
 поклялась фанера.

Землетчерпалка верила химеру,
 ослонилась, затаяла игру.
 Я сам тому виной
 Писовды мери
 не удержал и отношения стгорели.

Линь дни пошёл
 невозможный глухой.
 Но я за всё отыщу головой
 Раз вам мои мажери надоели.

Воронья двойка, тройка с пристяжной
морочат небо над Большой Невой.

Ты о любви и думать не хотел
когда бежал несчитный взлетел,
изыскою телеграфной увлеченный...

Теперь февраль. Приближенно влюбленной
ты губи жизнь и славу свой удел.
Он возреша и он тебя похитит...

Воронья тройка вертит небосвод...

- О чьм, дружок?

- О смерти мысль пришла.

Давно известна и почти пустыня.

Сегодня выплачьшь, а завтра станет ясно,
что права нет, пока жива она.

Пока зима по-летнему поёт...

Лети простуда, стернит небосвод.

Так в почке облачной светлеет колкий плод,
 Так способ выберет, разгонит и в полёт.
 На триметровой ветке ланжана сплёт
 и, кажется, перо пошло на убийство.
 (Как лодка зачеркнула донный мёд
 и руки врось, глотка не выдал губы.)

Районная притворная неделя,
 Настурная придворная кана
 пошла на побегушки развать веки,
 смолить углы, устраивать дела.
 И холод гнать в надутую бутылку,
 набив тразом и пустив луну.

Но завязавсь обещанный води,
 и льёт, и льёт - разорвана губа.

И льёт, и льёт, и смотришь из окна.
 Там *Lady Rotlif* мокнет, холодна.
 И губы льёт,
 и шёлк убора
 и взглядом не задеть
 - на руку споры...

Условился и ждать. Осокон гулять.
 Или чернила вивеста - одно -
 На пальцах ходит шёртвое вино.

Где тенью сирой травы,
упрямство веток и вадвилек
паршивый пёс удар заливает,
закаменев от голода.

За сладкою дверью стою
от милости плохой погоды
и рифма будущего года
на уровне окна, где молю.

Где пьяный ворон на виду
проговорится о ползаре,
его сквозняк в лицо ужалит
и зверь подхватит на лету.

Он будет долго пахать в лес
над полоскою ограждения,
где на предделе ошупенья
его разорвет жёлтый диск...

Но это будет лишь испуг —
всему виной ночное панье.
Смятение губ и лёгкость рук,
законченных стихотворенья.

Нетрудно умереть, когда ночь двоятся,
перехватывает в голову с тобой.
Потрескивает летний ход лиственки,
гремит дождь, газета бесслится,
носта пенукает кокурой.

Что ведает сира-земля, земляца,
засеяна Христовою рукою?
Спит на впагате правах столицы,
профектор не дайт повзвалиться,
играет гниа коллечный упокой...

Ах, не сноткнуться би, не оступиться.
Во белом доме всем дадут нануться
скляндой предонной вохой.

Оле Седановой

О, рожа слёз! О, вьюжный плеск льбины!
 Олень в шиповнике засаду пережидает.
 Снег выскокнет, тень скорчится под кожей.
 Вода в соку на озере Разлив.

Перечисления в потёмках - чур-чура!
 И комнатной води не выпускаю.
 Ваш номер не пройдёт, пока я не узнаю
 прищельной радости черемшного дёбра.

Куралль и Мамук, и Икнотазра нар,
 цвета погони на осенних сворах
 прошли для нас, стерел сосновый порох.

Звезда в тальпаве объяснит пожар,
 подует ночь и принесет на собах
 кичелей нenne и жизни тёмный морок.

КАЗОВА С ПРОДАВЦЕМ И ПОСЛЕСЛОВИЕМ

Э.В. и И.Б.

Вилечи, Господи. Вилей глаза, развали.
Калости нет выключное лезево раскрасить.
Лили ворчали, выключали в самейные страсти.
Год повелельника голубя ловит в пили.

Видныя ли, Господи, я посмотрел на тебя
в цель воронскую, мне стало обижено страшно.
Если не врет теоретик - я был понаслышко,
избранно ищем на дне поделушного дни.

Вилечи, Господи, позный огонь в небесах.
Я разумею, но дай мне остаться с тобой
облаком боженьи, ниткой, пчелой, преставном.
Только не Словен - Смерть приходила в слезах

Увидныя. Сидянье раскрасит
чернухой алявского виле.
Довольно, брат. Лиля права Луна,
Когда меня отправила в раскод.
Я убедился - мертвые пост.
Светлее кома, вылати глазами.
Душа успала нарисов поделиться
к волнистой туче с выходом на кг.
Там тело вырастет. В него я перейду,
определил случайных кончиться
в снафанаре перлом. Дело означала -
смотреть слезу в Таврическом саду...
Гаданье гласных. Вилечка на берале
цветом рожденя, волные тона.
Увидныя. Центральная Луна
не закрывает видящую дверку.

Ни дуновника. Голова свела.
Апрельского похмелья третий ливней
уснул в прихожей, дышит еле слышно.
Так тихо ним, что в куле явёт душа.